

Палеографическая заметка о Мадридской рукописи Скилицы [в связи с работами: N. G. Wilson. The Madrid Scylitzes. — *Scrittura e civiltà*, 1978, N 2, p. 209—219, pl. I—IV; A. Grabar, M. Manoussacas. L'illustration du manuscrit de Skylitzès de la Bibliothèque Nationale de Madrid. Venise, 1979 (Bibliothèque de l'Institut Hellénique d'Etudes Byzantines et Post-Byzantines de Venise, N 10), XXI+210 p., illustrations en couleurs (pl. I—XL), illustrations en noir et blanc (fig. 1—272)].

Рецензируемые работы являются этапными в изучении выдающегося памятника византийской книжной культуры — уникальной Мадридской рукописи Хроники Иоанна Скилицы: в первой из них путем палеографического анализа впервые доказывалось, что этот манускрипт был изготовлен в Палермо в середине XII в.; вторая, вновь публикуя значительное число миниатюр рукописи и впервые давая издание всех надписаний к миниатюрам (легенд), существенно расширяет возможности исследования памятника. Обе работы вышли почти одновременно, так что А. Грабар и М. Мануссакас, хотя и успели ознакомиться с аргументацией Н. Вильсона, датировка рукописи которого отличается от всех существующих датировок, уже не смогли осудить ее так, как она того заслуживает.

Н. Вильсон, которому греческая кодикология и история византийской культуры обязаны целым рядом важнейших работ¹, палеографических уточнений и поправок², на этот раз выступил с исследованием, позволяющим решить вопрос о датировке и локализации Мадридской рукописи Скилицы. Как известно, большинство палеографов и историков византийского искусства относят время написания манускрипта к середине—второй половине XIII в.³ Что касается места создания рукописи, то здесь исследователи почти единодушно, считая, что рукопись обязана своей жизнью одному из греческих скрипториев Южной Италии⁴.

Вильсон установил, что один из писцов медицинской рукописи Vat. gr. 300, переписавший текст на лл. 211 об.—230 об., идентичен II писцу мадридского Скилицы, рукой которого писаны не содержащие миниатюр лл. 88—95 об.

и 187—194 об. Мадридской рукописи⁵. Эта идентификация решает вопрос о датировке и локализации Мадридской рукописи почти автоматически. Ватиканский кодекс содержит греческий перевод арабского медицинского трактата Абу Гафара ибн ал-Газзара (лл. 11—267), а также другие медицинские тексты. Южноитальянское происхождение рукописи доказывается 1) упоминанием в тексте (л. 17) и в маргинальных схождениях Филиппа Ксероса, доктора из Реджо, 2) наличием в одной из маргинальных заметок указания на знаменитую медицинскую школу в Салерно (л. 248), 3) разлиновкой некоторых пергаменных листов рукописи карандашом⁶, 4) фактом написания текста на лл. 262—273 почерком «стиля Реджо», наиболее зрелые образцы которого (а именно к ним можно причислить и указанную часть Ватиканской рукописи) относятся к середине XII в.⁷ Поскольку Ватиканская рукопись представляет собой не случайный конволют, составленный разными писцами и в разное время, а сознательно и органично созданный единый по тематике сборник медицинских сочинений, то всех основных писцов текста и схолий, в том числе и писца лл. 211 об.—230 об., отождествляемого Вильсоном со II писцом мадридского Скилицы, следует относить к южноитальянским переписчикам середины XII столетия.

Опираясь на наблюдения А. Грабара⁸ о третьем и четвертом стилях живописи миниатюр Мадридской рукописи, которые менее, чем первые два, зависят от византийских образцов и имеют черты, позволяющие поместить эту часть миниатюр между свитками Exultet (XI в.) и Бернской рукописью исторической поэмы Пьетро де Эболи (начало XIII в.), а также о наличии мусульманских мотивов в ми-

¹ Wilson N. Mediaeval Greek Bookhands. Examples selected from Greek manuscripts in Oxford libraries. Text, Plates. Cambridge/Mass., 1973; *Idem*. The Libraries on the Byzantine World. — GRBS, 1967, 8, p. 53—80; *Idem*. Scholarly hands of the middle Byzantine period. — PGB, p. 221—239; *Idem*. Nicaean and Palaeologan hands: introduction to a discussion. — PGB, p. 262—267; Reynolds L. D., Wilson N. G. Scribes and scholars. A guide to the transmission of Greek and Latin literature. London, 1968 (1974).

² Wilson N. G. Three Byzantine Scribes. — GRBS, 1973, 14, p. 223—228.

³ Sevcenko I. Poems on the Deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes. — DOP, 1969—1970, vol. XXIII—XXIV, p. 187.

⁴ *Ibidem*.

⁵ Wilson N. G. The Madrid Scylitzes. — *Scrittura e civiltà*, 1978, № 2, p. 211—212.

⁶ Эта кодикологическая особенность характеризует именно греческие рукописи Южной Италии XI—XII вв.; см.: Leroy J. La description codicologique des manuscrits grecs de parchemin. — PGB, p. 35; *Idem*. Les manuscrits grecs d'Italie. — *Codicologica*. 2. Éléments pour une codicologie comparée. Leiden, 1978, p. 63.

⁷ См.: Canart P. et Leroy J. Les manuscrits en style de Reggio. Etude paléographique et codicologique. — PGB, p. 241—261.

⁸ См.: Grabar A. Les illustrations de la Chronique de Jean Skylitzès à la Bibliothèque nationale de Madrid. — *Cahiers archéologiques*, 1971, XXI, p. 203—208.

ниатюрах второй группы, Вильсон полагает, что наиболее вероятным центром создания такого манускрипта в середине XII в. мог быть дворцовый скрипторий в Палермо, чья работа не могла не отражать разнообразия интересов королевского двора и не испытывать влияния греческого, латинского и арабского течений в культуре Сицилии. Прослеживая пути проникновения из Константинополя в Палермо иллиuminованного списка Скилицы, послужившего протографом Мадридской рукописи, Вильсон предлагает следующее построение: с поднесенного автором василевсу и хранившегося в императорской библиотеке в Константинополе иллиuminованного оригинала Хроники Иоанна Скилицы в 1158 г. была снята копия для Генриха Аристинга, посла Сицилийского королевства к Мануилу I Комнину и одного из самых видных интеллектуалов Палермо; эта рукопись, доставленная тогда же в Сицилию, и явилась протографом Мадридской рукописи, изготовленной, по мнению Вильсона, не позже 1160 г.

Палеографические наблюдения Н. Вильсона представляются нам неопровержимыми. Датировка Мадридской рукописи Скилицы является теперь окончательно доказанной. Убедительной выглядит и гипотетически восстанавливаемая история создания этого манускрипта.

Обратимся теперь к книге А. Грабара и М. Мануссакаса. Она состоит из Введения («Мадридская рукопись, ее иллюстрация и сопровождающие их легенды» — с. 3—22) и трех частей (I — «Описание миниатюр с их легендами» — с. 25—128; II — «Исследование приемов иконографов и художников» — с. 131—166; III — «Очерк о художниках рукописи. Место и дата иллюстраций» — с. 169—195). Почти половина этой прекрасно изданной работы отведена воспроизведению миниатюр рукописи, причем 40 миниатюр изданы в цвете (по словам Грабара, впервые при издании миниатюр мадридского Скилицы удалось сохранить цвет подлинника; см. с. 4), а 272 — в черно-белом варианте. Книга содержит также библиографию использованных авторами работ, которые посвящены Хронике Скилицы и Мадридской рукописи, предисловия авторов, общий указатель и резюме на греческом и итальянском языках.

Описание всех миниатюр кодекса (при этом исправлены неточности барселонского издания 1965 г.), издание на греческом языке легенд к миниатюрам (у Эстопаньяна они были изданы частично и в испанском переводе), указатели собственных имен, встречающихся в легендах (с. 121—128), и основных сюжетов иллюстраций (с. 136—143), качественное воспроизведение более половины миниатюр рукописи с их легендами и большими фрагментами примыкающего к ним текста — все это делает данную книгу важнейшим *instrument de travail* для историков византийского искусства и палеографов.

Работа между авторами распределена следующим образом: описание и анализ

миниатюр принадлежит А. Грабару, исследование и издание легенд — М. Мануссакасу. Не считая себя вправе заниматься разбором и оценкой искусствоведческой части книги, мы хотим остановиться на том ее разделе, который посвящен легендам миниатюр.

Необходимо отметить, что в рецензируемой книге мы имеем не только *editio princeps* греческого текста легенд, но и первое их исследование в полном объеме. Мануссакасом изучены, как нам представляется, решительно все вопросы, которые возникают при анализе легенд: соотношение легенд и миниатюр, легенд и надписаний глав текста Хроники, число легенд у каждой миниатюры, типы письма, которыми писаны легенды, формулы, источники и язык легенд, встречающиеся ошибки, значение легенд для исследования миниатюр и текста Мадридской рукописи.

Одним из основных является, конечно, вопрос о датировке легенд и их писца. Что касается датировки легенд, то Мануссакас справедливо полагает, что надписания к миниатюрам относятся к тому же времени, что и основной текст рукописи и сами миниатюры: нужно лишь учитывать, что последовательность появления трех частей памятника была, несомненно, следующей — текст, миниатюры, легенды. Как же датируется Мадридский кодекс? Мануссакас приводит на этот счет мнение некоторых исследователей рукописи и палеографов — Х. М. Ф. Помара (1175—1250 гг.), А. Турина (1275—1300 гг.), Х. Хунгера (ок. 1300 г.), И. Шевченко (1250—1300 гг.) (как мы уже отметили, ему удалось ознакомиться и с точкой зрения Н. Вильсона) — и принимает за основу датировку А. Грабара, относящего рукопись ко второй половине — концу XIII столетия. К этому же времени должны, естественно, принадлежать и легенды миниатюр (с. 11—12).

Кто писал легенды? «К сожалению, — говорит автор, — дать ответ на этот вопрос в категорической форме нельзя» (с. 14). Помар (1964 г.) и Шевченко (1969—1970 гг.) считали, что легенды писаны рукой I писца рукописи; к ним по существу примыкает и Эстопаньян (1965 г.), исключивший из числа писцов легенд II писца. Де Боор (1905 г.) полагал, что надписания к миниатюрам были сделаны иллюстратором (т. е. одним из иллюстраторов) кодекса. Приведя мнения этих исследователей, Мануссакас отвергает их на базе филологических наблюдений над текстом рукописи и легенд (с. 14—15), не давая, однако, своего ответа на поставленный вопрос.

Изучая материалы, опубликованные в рецензируемых здесь работах, мы пришли к выводам, отличающимся от существующих в специальной литературе точек зрения относительно писцов текста Мадридской рукописи и легенд. Недостатком нашей работы является то, что свои заключения мы основываем не на анализе «живой» рукописи, при котором можно было бы учесть нюансы кодикологии и палеографии манускрипта, а на изу-

чении опубликованных иллюстраций мадридского Скилицы как в статье Вильсона и книге Грабара — Мануссакаса, так и в работах Эстопаньяна, Шевченко, Божкова; кроме того, нам благодаря любезности проф. М. Мануссакаса были доступны многочисленные фотографии различных листов рукописи с образцами почерков I и II писцов.

Обычно исследователи делят всю работу по копированию текста мадридского Скилицы на две неравные части: I писцом переписаны все те листы, которые имеют миниатюры, тогда как рука II писца, принадлежащего, судя по почерку, к той же школе, что и основной каллиграф, распознается на листах, где имеется так и оставшееся незаполненным свободное место для иллюстраций, — лл. 88—95 об. и 187—194 об. Листы без миниатюр составляют два целых кватерниона, и этот факт дал Н. Вильсону основание для предположения о том, что две тетради были утрачены, по-видимому, вскоре после завершения работы над рукописью, тогда, когда еще можно было найти писца, имевшего однотипный с писцом рукописи почерк, но уже отсутствовали художники, рисовавшие миниатюры Мадридского кодекса⁹. Будем ли мы придерживаться этой гипотезы или попытаемся выдвинуть какое-то иное предположение, в любом случае ясно, что рукопись не вышла еще из той среды, где она получила свою жизнь. Но ясно также и то, что обстоятельства, при которых создавалась эта рукопись, в момент ее реставрации, дополнения двух тетрадей каким-то образом изменились: отсутствовал и каллиграф, первоначально работавший над копированием текста (если придерживаться мнения о двух писцах манускрипта), и иллюстрировавшие книгу художники.

Исследование почерка основной части рукописи и лл. 88—95 об., 187—194 об. привело нас к заключению о тождестве I и II писцов мадридского Скилицы. Анализ почерка I писца не на отдельных листах, а на пространстве многих листов текста, а также многочисленных бесспорно принадлежащих этому писцу легенд выявляет решительно все те моменты (большая беглость, небрежность в написании отдельных букв, лигатур, сокращений), которые определяют «лицо почерка» II писца. И наоборот: у II писца проявляются все особенности почерка I писца — разница лишь в том, что текст двух новых тетрадей писан менее каллиграфично, быстрее, без того старания и того запаса времени, которые первоначально позволяли выводить каждую букву, укрощать письмо удлинением вертикалей капши и фи, писать не размашисто, а «плотно», что, как известно, требует от писца постоянного контроля над собой. Видимо, те изменившиеся обстоятельства, о которых мы говорили выше, послужили причиной изменения отношения писца

к работе: он пишет своим обычным почерком, а не той его каллиграфической разновидностью, какой он переписывал текст сравнительно незадолго (как можно думать) до этого.

Если наша идентификация верна, то может быть решен и вопрос о писцах легенд к миниатюрам. Колебания М. Мануссакаса здесь не случайны: придерживаясь мнения о двух писцах текста рукописи и считая, что легенды писаны лишь I писцом (точка зрения Помара, Эстопаньяна, Шевченко), едва ли возможно — во многих легендах бесспорно проявляется почерк I писца, тогда как другие легенды, а иногда только части целых легенд писаны более беглым почерком — по нашему мнению, тем, который определяли как почерк II писца. Анализ письма легенд показывает, что писец делает надписания к миниатюрам полуунциалом с примесью элементов минускула (лучший образец — надписание текста всей рукописи на первом основном листе), как правило, тогда, когда он располагает свободным пространством для текста легенды; отсутствие необходимого места для легенды заставляет его прибегать к скорописи, позволяющей на незначительном пространстве вписать весь тот текст легенды, который писец копирует с оригинала. Можно заметить, что писец не всегда делает правильные расчеты, и поэтому начальная часть легенды писана полуунциалом, а ее окончание — скорописью (но никогда — наоборот!).

Итак, мы считаем, что как текст мадридского Скилицы, так и все легенды к миниатюрам писаны одной рукой.

Необходимо остановиться еще на одном моменте, который, по мнению Мануссакаса, является важным при исследовании письма текста и легенд Мадридской рукописи. Сопоставляя легенды, написанные, согласно мнению некоторых исследователей, I писцом, и соответствующие им (а иногда и дословно совпадающие с ними) части текста Хроники Скилицы, он приходит к выводу о невозможности отождествления писца легенд и писца текста, ибо, полагает он, невозможно, чтобы один и тот же переписчик правильно писал текст, но делал ошибки в тех же словах в легендах (с. 14). Соображение Мануссакаса было бы верным, если считать, что текст легенд не был скопирован с оригинала, а сочинен самим писцом, исходя из содержания иллюстрируемого отрывка Хроники. Между тем это не так: легенды Мадридской рукописи скопированы с того же оригинала, что и текст всего сочинения; писец — автор легенд не только избежал бы в надписаниях к миниатюрам орфографических ошибок, но и не допустил бы неверного наименования миниатюры (см., например, табл. I в цветном и черно-белом изображении). Ясно, что все отмеченные в рецензируемом издании ошибки в легендах (с. 13, 19—21) восходят к оригиналу, где они были написаны не писцом текста Хроники, но иллюстраторами: как свидетельствуют многочисленные надписи миниатюр, икон, памятников

⁹ Wilson N. G. The Madrid Scylitzes, p. 211—212.

монументальной живописи и прикладного искусства, художники обычно допускают в надписях именно те ошибки итацизма, смещения о и ω, пропуски букв и т. п., какие выявлены в легендах Мадридской рукописи. Итак, указанное Мануссакасом противоречие снимается и не может служить препятствием для отождествления писца текста и писца легенд мадридского Скилицы.

В заключение мы хотели бы обратить внимание на перспективу исследования создавшего Мадридскую рукопись Скилицы скриптория, которая открывается после выхода в свет работы Вильсона. Хотя каллиграфический почерк писца кодекса не оставлял сомнений в том, что перед нами — писец-профессионал высокого класса, из-под пера которого должны были появиться многочисленные книги, до сих пор не существовало материала, позволившего бы, с одной стороны, подтвердить такое предположение, а с другой — включить продукцию этого выдающегося переписчика в рамки работы определенной мастерской. Указанное обстоятельство и порождало те трудности, которые возникали до последнего времени в связи с датировкой Мадридской рукописи. Теперь, с идентификацией Вильсона, палеографическая уникаль-

ность Мадридского Скилицы преодолена, а доказанная оксфордским исследователем датировка рукописи (середина XII в.) позволяет конкретизировать дальнейшие поиски тождественного или похожих почерков. О некоторых результатах таких поисков в московских хранилищах мы можем сообщить уже сейчас: в рукописи ГИМ № 61¹⁰ текст отрывков из сочинений Григория Богослова частично (лл. 1, 4—4 об., 8) писан почерком, исключительно близким, хотя и не столь каллиграфичным, к почерку писца Скилицы; сходство особенно бросается в глаза при сопоставлении указанных мест Московской рукописи с легендами или частями легенд Мадридского кодекса, написанными скорописью.

¹⁰ См.: Архим. *Владимир*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894; с. 60. Рукопись, по-видимому, правильнее относить к XI в., а лл. 1—8 — к середине XII в. Толстый грубый пергамен, почерки двух писцов и оформление этой начальной тетради позволяют локализовать лл. 1—8 Южной Италией.

Б. Л. Фонкич